

**Мотивированность специального наименования:
психолингвистическое исследование показаний
языкового сознания**

Проблема мотивированности / вероятности специального наименования является одной из актуальных проблем теории термина и соотносится с выяснением его (СН) онтологических, сущностных характеристик. В данном исследовании мы используем традиционное понятие мотивированности как формально - семантической зависимости слова от другого слова. Мотивированность языковой единиц обуславливается апперцептивным характером человеческой психики, т.е. зависимостью восприятия нового знания от уже имеющегося опыта.

Анализ исследований по проблеме мотивированности термина позволяет говорить о том, что данная проблема еще не нашла в терминоведении достаточного освещения. Отчасти это объясняется тем, что недостаточно исследована природа термина как языкового знака. Как справедливо указывает В.А. Татаринов, "в истории терминоведения вопрос, быть ли термину мотивированным, остался неразрешенным и трансформировался в чисто научную проблему - что такое мотивированность термина" [Татаринов. 1996: 206].

Поскольку мы связываем возникновение СН с познавательным процессом и рассматриваем специальную номинацию как средство приращения профессионального знания на основе обыденного, то само познание можно определить как процесс, в котором отражен опосредованный характер постижения нового знания. В данном случае мы основываемся на утверждении С.С.Гусева о том, что поскольку "любое (в том числе и научное) теоретическое описание предполагает определенных посредников (людей, идеализаций, нормативных образцов и т.д.), которые позволяют включить интересующий исследователя объект в имеющееся знание, то и оно само характеризуется, вопреки обыденному представлению о науке, неполнотой, приближенностью" [Гусев 1978: 32].

Спецификой профессионального языка является его имманентность, т. е. наличие свойств, присущих только языку определенной области. Каждая отрасль специального знания создает

в своем развитии свой собственный язык, при этом "свойство имманентности языка в большей степени присуще языкам науки (в том числе и профессиональным - Е.С.), чем обычным естественным языкам" [Налимов, Мульченко 1972: 536]. Следовательно, удовлетворение коммуникативной потребности в какой-либо отрасли знания определенным образом мотивировано своеобразием концептов данной профессиональной сферы, а выбор вербальных средств обусловлен специфическими запросами познания.

Традиционно мотивированность ТЕ интерпретировалась как соотношение характера отражения объекта в сознании человека и семантической структуры базового языкового знака. Проблема мотивированности языкового знака первоначально решалась на материале естественного языка, и поэтому в ходе формирования понятия терминологической мотивированности явно ощущается интерференция результатов исследования мотивированности слова на выводы относительно мотивированности термина, приведшая к постулату о том, что мотивированность есть не обязательное, а лишь факультативное свойство термина. Следует отметить, что значительный вклад в разработку проблемы мотивированности термина был сделан достижениями в области функционального терминоведения. Функциональное рассмотрение данной проблемы основывалось на тезисе о том, что терминообразование происходит в основном на базе естественного языка, поэтому "любой термин лингвистически мотивирован, так как он может быть объяснен значением той лексической единицы естественного языка, на базе которой он существует" [Лейчик, 1994: 11]. Кроме того, термин является дважды мотивированной единицей, с одной стороны, лексическим значением единицы естественного языка, с другой - концептом в системе научных понятий, отражающей определенную специфическую область знаний или деятельности [Там же].

Следовательно, имея в качестве материальной основы общенародные номинативные единицы, специальное наименование не свободно от их характеристик. Слова естественного языка многозначны, это свойство наследует и термин. Например: *гон* - 1. Гнание как действие и как обстоятельство; 2. Полоса, пространство земли; 3. Право рубки или охоты в чужой или общей даче; 4. Место, где речные бобры в старину водились (бобровый

гон) и др. [Даль.1: 374-375] Сравните значения специального наименования, развившиеся на базе лексических значений: *гон* - 1. Хвост гончей собаки; 2. Преследование зверя гончей собакой; 3. Обложенное охотниками пространство звериной охоты; 4. Устар. Движение загонщиков в окладе с целью выставить зверя на стрелковую линию; *гребень* -1. Снаряд с зубьями для различного употребления; 2. Верхняя грань вещи, ребро; 3. Стоячая полоса, прямая или зубчатая; 4. Нарост на голове некоторых птиц и др. [Даль 1: 292- 293]. Сравните терминологические значения: *гребень* - 1. Название верхнего дугообразного края шеи, начинающегося на загривке и заканчивающегося на переходе шеи в холку; 2. Элемент шерстного покрова на спине, шее, иногда на плечах, длинный и узкий, образованный волосами, растущими в противоположную сторону по сравнению с окружающей шерстью; 3. Пучок длинных редких волос на голове и шее голой китайской собачки и др.

С другой стороны, выбор той или иной языковой единицы в качестве специального наименования основывается на ее внутренней форме, под которой мы вслед за Е.С. Снитко, понимаем своеобразную проекцию избранного пучка ассоциаций на средства языкового означивания [Снитко. 1990: 24]. Для терминологических единиц весьма существенно, насколько прозрачна их внутренняя форма. О.Г.Винокур писал: " Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично. В то время, как для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос" [Винокур.1939: 8]. Отметим, что, выделяя внутреннюю форму в качестве одного из способов концептуализации, мы попадаем в своеобразную переходную зону, где история языковых единиц и их современное состояние более всего сближаются: "Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль" [Потебня 1976: 115].

Вопрос о мотивации специального наименования тесно связан со степенью глубины проникновения в семантику слова в процессе его специализации. Мы склонны думать, что при терминологизации общеупотребительного слова важны, прежде всего, "живые", явно не утраченные связи между словом и обра-

зующимся на его основе термином. При этом большую роль играет степень языковой компетентности носителей языка, вообще и носителей специального знания, в частности. Это показало проведенное нами анкетирование с использованием методики свободного ассоциативного эксперимента.

Испытуемыми были собаководы-любители, участники кинологических выставок, т.е. не профессиональные кинологи, но люди, в какой-то степени владеющие специальной лексикой кинологической сферы (156 человек). Им было предложено дать толкование группе терминологических единиц, различных по времени происхождения ("старые" и сравнительно недавно появившиеся), ономаσιологическому статусу (метафорического и неметафорического образования) и структурной организации (однословных и составных).

Первая группа слов - термины, бытующие в кинологической лексике с нач. XIX века: *пустостойство, копотливая гончая, седло, бублик, бульдожина, колодка, бочка, борзоватость, ладная собака, рубашка.*

Определения специальных наименований метафорического образования почти у всех опрошенных в какой-то степени совпадают с дефинициями соответствующих терминов. Например: *бублик* - хвост калачиком; хвост кольцом похожий на бублик; закрученный, круглый, скрученный в кружок (сравните спец. значение: *свернутый с забросом на крестец хвост собаки, чаще всего лайки* - КС); *бочка* - широкое туловище, круглая грудная клетка (сравните: *грудная клетка, имеющая округлые очертания, образованная ребрами, начинающимися изгибаться уже вблизи места своего причленения* - КС). При толковании этого СН наблюдаются различные ситуативные интерпретации мотивировочного признака: *толстая, ожиревшая собака на коротеньких ножках* (10 человек), (сравните: *Эка бочка!- толстяк, толстуха*) [Даль 1: 121]; *округлые лапы собаки* (7 человек). Сравните СН *бочкообразный постав задних ног* - постав, при котором скакательные суставы собаки вывернуты наружу, а плюсны лап повернуты внутрь. Дефект экстерьера [КС]. Специальное наименование *колодка* - "корпус, туловище собаки" - видимо, постепенно утрачивает связь с основным мотивировочным значением "обделанная деревянная вещь брусом, грубо, из

одного куска" [Даль 2: 139]. Только три человека объяснили дефиницию термина: *корпус, туловище собаки (собака с изогнутым туловищем)*. Большинство испытуемых (97 чел.) связывают терминологическое значение данного слова со значением "кусочек дерева, вырезанный в форме ступни, используемый для шитья обуви [СРЯ. 2: 95]: *стопа; лапа, похожая на туфлю; элегантные стопы, как туфли; строение стопы, лапа до колена; нижняя часть стопы, образующая след* и т. п. Восемь человек, скорее всего, соотнесли значение СН со значением "оковы, кандалы, надеваемые узнику для предотвращения побега": *тяжесть в ногах собаки; затвердения на лапах, делающих их менее подвижными; неподвижные лапы* и т.п.

СН *рубашка* почти во всех анкетах толкуется как *шерсть, шерстный покров, шкура*, что полностью совпадает с терминологическим значением. Видимо в данном случае сохраняется "живая" внутренняя форма, поэтому по ней устанавливаются более достоверные ассоциативные связи (рубашка - одежда человека; шерстный покров - одежда собаки). Кроме того, уточняя свои представления о данном понятии, испытуемые назвали и вероятностные признаки, такие, как *кожа собаки, отвисающая складками* (4 чел.); *окрас шерсти от головы, до середины туловища, включая передние лапы; цвет шерсти на плечах, спине и груди* (3 чел.); *утепляющая шерсть* (5 чел.).

Интересна интерпретация СН *седло*. В кинологической лексике это наименование имеет несколько значений: 1. *Часть линии верха собаки, в основании которой лежат грудные позвонки*; 2. *Впадая, провислая прогнутая спина*; 3. *Отметины, часто черного окраса, в области спины*; 4. *Участок довольно коротких волос на спине собаки*.

В анкетах представлены все эксплицируемые признаки. Сравните: а) *место на спине собаки - у лошади на этом месте седло*; б) *середина позвоночника; в) прогнутая спина, изгиб позвоночника; какая-то впадина на спине, напоминающая по форме седло*; г) *окрас в форме седла на спине*; д) *бритая спина, выщипанная спина*. Видимо, чем прозрачнее внутренняя форма, тем большую роль она приобретает как фактор интегрирования сведений об объекте номинации и тем более яркой оказывается

проекция различных мотивировочных признаков на специальное понятие.

Значение специального наименования **борзоватость** ("тип сложения животного с характерной для борзой конституцией и экстерьером, легкостью, сухостью форм, с резким переходом от груди к поджарому животу" - КС) также не вызвало особых затруднений при его толковании. Сравните: *худощавость, стройность, поджарость, с втянутым животом и с выгнутой вверх спиной, характерные признаки борзой собаки* и т.п. (101 чел.). Хотя, в некоторых случаях, термин сохраняет связь с этимологом *борзой* ("скорый, проворный прыткий, быстрый, рьяный" - Даль.1: 15): *ловкая, резвящаяся, быстрая; способность быстро бегать* и т.п. (6 чел.). В единичных случаях, видимо, в связи с незнанием значения СН, в ответах эксплицируется связь с просторечным значением слова *борзой* ("наглый, задиристый" и т.п.). Сравните: *наличие в характере наглости; задиристость* (2 чел.).

При толковании СН **пустостойство** ("недостаток легавой, делающей стойку там, где нет птицы, но еще присутствует ее запах" - КС) в ответах эксплицируются значения корневых морфем: *собака, встающая без причины (команды) в стойку; собака стоит впустую, не улавливая запаха зверя* (ср. *пустолайка* - "собака, лающая попусту, без нужды" СРЯ. Т. 3. С.754). Кроме того, для уточнения дефиниции ТЕ, называются и вероятностные признаки (137 чел.): *ленивая, глупая собака, не способная к обучению* (20 чел.) Незнание значения вызывало и ложноэтимологические ассоциации (11 чел.). Сравните: *собака не способная к производству потомства; пустая собака, без щенков* (ср. проф.: *пустовка* - собак, оставшаяся после вязки без щенят [КС]; *пустоцвет* - цветок не дающий плодов - СРЯ.Т.3. С.734).

Несколько провокационной оказалась для испытуемых внутренняя форма СН **бульдожина** ("форма прикуса собаки, когда нижняя челюсть длиннее верхней настолько, что передний ряд нижних зубов выступает за верхний" - КС). В толкованиях значения ТЕ эксплицируется, в основном, значение корня (79 чел.): *собака, похожая на бульдога; что-то как у бульдога* и т.п. Видимо, определенную роль сыграла словообразовательная модель

существительных женского рода с суффиксом - ИН-, который придает слову в узуальном употреблении несколько негативный оттенок (ср. скотина, собачина, животина и др.). Отсюда и толкования типа: *самка бульдога, бульдог женского пола* и т.п.(15 чел.). Лишь в единичных случаях (9 чел.) был воспроизведен истинный мотивировочный признак: *морицинистая морда, выпирает вперед как у пеликана; строение челюстей, как у бульдога; лицо собаки с прикусом как у бульдога* и т.п.

Составное СН **ладная собака** ("гармонично сложенная", от устар. *лад* - "то же, что и стать, сложение, экстерьер" - КС) всеми испытуемыми интерпретировалось правильно. Сравните: *красивая, стройная, все на месте, как нужно, холеная гладкая, справная, ухоженная, гармонично сложенная*.

СН *копотливая* гончая ("гончая, медленно разбирающаяся в следах потерянного зверя" - КС), в целом, объясняется верно (95 чел.): *медлительная, ленивая, неповоротливая; медленно идущая по следу; долго ищущая следы зверя* и т. п. (Сравните просторечн.: *копаться* "делать что-то слишком медленно" СРЯ. 2: 129). Двенадцать человек связали значение термина со словом *потеть*. Сравните: *сильно потеющая собака; гончая, которая очень потеет во время охоты; сильно вспотевшая от быстрого бега гончая* и т.п. Четыре человека мотивировали СН словом *копыто*. Сравните: *гончая, охотящаяся за парнокопытными; собака, специализирующаяся по копытному зверю; толстая кожа на подошвах собаки, как копыто* и т.п.

Вторая группа слов - специальные наименования, недавно появившиеся в русской кинологической лексике и использующиеся пока только кинологами - профессионалами, экспертами.

СН **акулья пасть** ("укороченная нижняя челюсть") объясняется в анкетах следующим образом: *формирование прикуса, с сильной, мертвой хваткой; круглая овальная страшная клыкастая пасть, пасть со страшными зубами, клыкастая; зубы находятся друг между другом; с большим количеством острых зубов и клыкастым оскалом* и т.п. В данном случае показателен набор вероятностных признаков (ассоциации с образом акулы: острые зубы, сильные челюсти, мертвая хватка, страшный хищный оскал и т.п.), которые, собственно, как и признаки концептуального ядра ("форма смыкания челюстей", "форма прику-

са") обусловлены внутренней формой (пасть собаки, по форме напоминающая пасть акулы). В единичных случаях дается достоверное толкование термина: *такое смыкание нижней челюсти с верхней, при котором в сомкнутом состоянии нижняя челюсть заходит под верхнюю, т. е. верхняя челюсть длиннее...*

Мотивационные признаки составных СН *китайские глаза* ("узкие, темные глаза собаки" - КС) и *остекленевшие глаза* ("застывшее, пустое выражение глаз") толкуются почти всеми опрошенными правильно. Сравните: *китайские глаза* - узкие с прищуром; удлиненные узкие глаза коричневого цвета, наружный уголок глаза поднят вверх, щелевидные. *Остекленевшие глаза* - неподвижные, мертвые, сильно блестящие, как со слезой, как бы не мигающие, холодные неподвижные, без эмоций, застывшие. (Сравните: *стеклянный взгляд* - неподвижный, безжизненный - СРЯ Т.4.С.356). Вероятностные признаки ("сильно блестящие, со слезой"), видимо, связаны с перен. значением слова *стеклянный* - "похожий на стекло блеском, прозрачностью" (Там же). Аналогичные результаты наблюдаются при интерпретации специального наименования *лапы-снегоступы* ("специфические лапы арктических пород собак, т.е. овальные, твердые и компактные, с собранными в комок хорошо изогнутыми пальцами, на которых имеются жесткие и толстые подушечки. Перепонки между пальцами сильно развитые, а лапы покрыты густым мехом, даже между пальцами, что обеспечивает их защиту при ходьбе по пересеченной местности с обледенелой поверхностью" - КС). Данное СН (также, как и два предыдущих термина) имеет прозрачную внутреннюю форму, о чем свидетельствуют и толкования, приводимые в анкетах. Например: *широкие, с перепонками, чтобы удобнее ходить по снегу; очень толстые с хорошей шерстью; широкие с мощными крепкими пальцами; очень устойчивые, массивные; когда у собаки на конце лап густая отвисшая шерсть, что дает собаке большую площадь опоры и возможность не проваливаться в снег* и т.п.

Специальное наименование *крутые плечи* (указание на то, что угол между лопаткой и плечевой костью больше, чем требуется стандартом, в результате (при осмотре собаки сбоку) линия плечелопаточного сочленения выглядит совершенно прямой,

отвесной. Ср. *крутой* - "почти отвесный, обрывистый, противополо. покатый..." СРЯ 2: 184) - новое "приобретение" терминосистемы и является калькой с английского *steep in shoulders* ("крутой в плечах"). СН еще мало известно широкому кругу носителей специального знания, поэтому интерпретация мотивировочного значения достаточно интересна. Так, почти во всех анкетах (за исключением тех, в которых СН осталось вообще без толкования - 13 чел.) выделяются следующие признаки: *широкие бойцовские, разработанные плечи; хорошо развитые мышцы; накаченная грудь; плечевой пояс сильно развит; округлые, высокие выпирающие плечи; имеющие покатую форму плечи* и т.п. В данном случае имеет место "бытовая", узуальная, обусловленная внешними факторами, интерпретация терминологической единицы. Сравните: *Он такой крутой, грудь широченная, сплошные мышцы, плечи шею закрывают, в общем, качок! Крутой - это новый русский, стриженный, голова плавно переходит в шею, а шея в плечи, и пальцы растопырены".*

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать следующие выводы: во-первых, рефлексия на специальное наименование, безусловно, существует, во-вторых, сведения о реалии, заложенные во внутренней форме слова, составляют мотивационную базу производного термина и актуальны при восприятии, хотя и могут быть недостоверными, "ложными" с научной точки зрения, но это уже другой вопрос. Вместе с тем, если игнорировать существующие факты восприятия той или иной единицы, ориентируясь только на истинно научные данные, добытые этимологами, вряд ли можно остаться на позиции исследования языка в его реальном проявлении и функционировании. Нам близка мысль, высказанная В.Н. Топоровым о том, что в языковедческих исследованиях необходимо реабилитировать "народные" этимологии - "младших братьев" научной этимологии. Слово для носителей языка аккумулирует множество ситуаций, поэтому вполне естественна ориентация "на поиск более глубоких и сокровенных смыслов... Человек... ищет другое, второе (помимо лежащего на поверхности и всем известного) значение слова, которое стоит за первым значением и в конечном счете определяет его... второе значение (**носители языка - Е.С.**) склонны рассматривать не только как предшествующее или даже исконное, но и как таковое, которое непосредственно выводится из внеязыкового мира (мира вещей) и, следовательно, отражает прямую связь знакового с дознаковым [Топоров 1986: 206] И в этом отношении вряд ли стоит игнорировать наивное, с научной точки

зрения, почти единодушное объяснение, которое дали собаководы словам *бульдोजина* и *крутые плечи*. Забвение или незнание истинного значения сопровождается установлением новых ассоциативных связей между объектами действительности, которые могут и укорениться, формируя иные ассоциативные сферы, закрепляя новый "шлейф" за номинативными единицами, т.к. "процесс народной этимологизации выявляет и прогнозирует многие изменения слов в языковой системе"[Гридина 1989: 4].

Кроме того, вряд ли стоит абсолютизировать положение о том, что внутренняя форма слов - это "собственно языковой факт", а поэтому, среди прочих подобных фактов, носит вариативный, дополнительный характер к предметно-логическому содержанию знания, составляющего концептуальную картину (модель) мира, универсальную по сути [Брутян 1972: 91-96]. Думается, что отношения между знаниями языковыми и неязыковыми проходят в иной плоскости. Как и другие способы концептуализации, внутренняя форма слова - это механизм, выработанный и постоянно действующий, позволяющий фиксировать и хранить определенные знания о мире и соответственно воспринимать их. Как отмечал А.А. Потебня [1976: 160], исчезновение или забвение внутренней формы говорит лишь о ее постепенном перемещении в каком-то конкретном слове на периферию в силу разных причин, возникших в период его функционирования, но вовсе не об отсутствии возможности передавать с ее помощью внеязыковое знание, в том числе и предметно-логическое. Так, в преобладающем большинстве ответов содержались характеристики, выведенные исключительно из внутренней формы, разница состоит лишь в том, насколько эти ассоциации соответствуют значению НЕ.

Условные сокращения

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. – СПб., 1996.

КС - Саматова Е.К. «Борзыми ногами спеть по зверю...». Словарь кинологической лексики. – Екатеринбург, 2000.

СН - специальное наименование.

СРЯ – Современный словарь русского литературного языка в 17 т. /Под ред. Чернышева В.И. М.1956-1965.

Литература

Брутян Г.А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии. 1972. № 1.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды НИФЛИ, филологический ф-т. М., 1939. Т. 5.